

A portrait of a man with a mustache, likely a Russian writer, is the background for the top half of the cover. The text is overlaid on this portrait and a colorful geometric pattern of triangles in shades of blue, purple, and red.

РОССИЙСКИЙ КОЛОКОЛ 2019

АЛЬМАНАХ

«Новые писатели России»

Литературная премия

им. М. Ю. Лермонтова

ВЫПУСК 4

МОСКОВСКАЯ ГОРОДСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ

Альманах «Российский колокол»

Альманах

**Альманах «Российский колокол».
«Новые писатели России».
Литературная премия М.
Ю. Лермонтова. Выпуск №4**

«ИП Березина Г.Н.»

2019

УДК 82.161.1(051)

ББК 82(2)6

Альманах

Альманах «Российский колокол». «Новые писатели России».
Литературная премия М. Ю. Лермонтова. Выпуск №4 /
Альманах — «ИП Березина Г.Н.», 2019 — (Альманах
«Российский колокол»)

ISBN 978-5-00153-134-0

Новый выпуск альманаха, посвященного Лермонтовскому конкурсу, составили стихи и проза авторов из разных городов и стран. Самобытные, талантливые произведения, отобранные профессиональным жюри, не разочаруют тех, кто ценит хорошую литературу и любит поразмышлять над книгой, позволят им открыть для себя новых, ярких авторов.

УДК 82.161.1(051)

ББК 82(2)6

ISBN 978-5-00153-134-0

© Альманах, 2019

© ИП Березина Г.Н., 2019

Содержание

Рамиз Аббаслы	5
Девятое место	6
Мальчик без имени	9
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Российский колокол. Выпуск № 4

Рамиз Аббаслы

«Родился 1 июля 1948 года в селе Паправенд Агдамского района Азербайджанской Республики. Учился в сельской школе. Очень любил точные науки – математику, физику, химию. Большой интерес проявлял к музыке, рисовал, читал художественную литературу: азербайджанские сказки, дастаны; особенно понравился ему эпос «Кер-оглы». Учился в Бакинском государственном университете.

Пишу на азербайджанском и русском языках: двуязычный азербайджанский писатель. Художественную литературу перевожу с английского, немецкого и русского языков. Автор пяти книг («Школа семи деревень» – 1996 г., «Мираж» – 2000 г., «Темные ночи» – 2008 г., «Имя самого вора» – 2015 г., «Химера» – 2018 г.), многочисленных статей и переводов».

От автора.

Девятое место

Рассказ

Я проснулся среди ночи. Поезд идет. Слышно его монотонное тарыхтение: так-тарак, так-тарак... Очень шумно. У нас в метро тоже шумно, разговор с сидящим рядом человеком не получается. Лучше сидеть и молчать. Если кто-нибудь звонит по мобильному телефону, я сразу говорю: «Алло, я еду на метро, здесь такой шум, ничего не слышно. Я перезвоню вам позже».

Я думал, так должно быть. Но, когда ездил в Германию, увидел другую картину: в вагонах шума почти нет. Но эта громадина движется с большой скоростью, ее сопровождают гул и свист. Внутри вагонов же тихо. А поезда у них какие! Локомотив похож на авиалайнер. Кабина машиниста чистая и аккуратная, как кабинет главврача частной больницы. Когда я впервые увидел это, просто обалдел; стоял как вкопанный и смотрел. Заметив меня, машинист смутился: мол, зачем этот чужак так смотрит?

Если смуглый человек в Европе ведет себя чуть-чуть не так, это сразу вызывает подозрения, не террорист ли он. А в Германии надо быть очень осторожным: там процветает исламофобия, ПЕГИДА не унимается. Немецкий машинист тоже подозревал что-то. Заметив это, я сразу понял, что попался. Чтобы рассеять его сомнение, я сказал: «Я впервые вижу такой локомотив. Очень красивый...» Молодой рыжий немец снисходительно улыбнулся. Инцидент был исчерпан, меня не задержали.

В наших вагонах много шума. Поэтому когда я еду на поезде ночью, плохо сплю, а после поездки голова болит. На этот раз тоже так получилось – проснулся среди ночи и не могу заснуть. Я еду в вагоне СВ. В купе нас двое: я и какая-то женщина; молодая – на вид лет тридцати пяти, очень симпатичная. Она спит напротив меня. Я ее не знаю, увидел только вчера вечером. Она стояла у входа вагона. Там были кондуктор и еще несколько человек. Кондуктор взял мой билет, повернул туда-сюда, посмотрел и сказал:

– Девятое. Займите свое место. Отправка будет через пять минут.

Я зашел в вагон. Нашел свое купе и место. Вещи положил под сиденье. Сел ближе к окну, раздвинув шторы, посмотрел на перрон. В это время у двери собралась целая толпа; это были те люди, которые толпились у входа в вагон: Один из них спросил, куда я еду. «Какое ему дело?» – подумал я недовольно. Но совершенно спокойно сказал, куда еду.

– Она тоже поедет с вами, – сказал тот же человек и показал на одну из двух женщин; это была та, которая спит напротив меня.

Бросив мимолетный взгляд на женщину, я сказал: «Очень хорошо». Вся толпа – человек пять-шесть – стояла у двери. Все смотрели на меня; кто-то с интересом, кто-то с улыбкой на лице. Наконец, пожелав счастливого пути, толпа удалилась. Эта женщина тоже ушла с ними, а вернулась, когда поезд тронулся с места.

Уже стемнело. Я включил свет. Освещение плохое. Наверху, у самого потолка, горит одна малюсенькая лампочка. В слабо освещенном купе напротив меня сидит чужая, совершенно незнакомая женщина. Ехать с такой дамой, конечно, радость. Надо было заводить разговор. Я спросил, куда она едет. Она назвала какое-то село одного из северо-западных районов Азербайджана.

– А вы живете в Баку? – спросил я.

– Да, я живу в Баку. Иногда езжу к своим родителям, родственникам. Те, которые меня сопровождали, тоже родственники.

Постепенно набирая скорость, поезд едет. Начался бой между колесами и рельсами. Перестрелка между воюющими сторонами усиливается: так-тарак, так-тарак; так, так, так, тарак-так... А мы в купе спокойно сидим и разговариваем. Иногда она, прервав разговор, встает, высунув голову из-за двери, смотрит в коридор. «Наверно, она кого-то ищет или

ждет...» – говорю я про себя. Она опять встала. Но на этот раз просто вышла из купе и пошла в сторону главного входа вагона. А через две-три минуты вернулась. Следом за ней в купе зашла кондуктор (женщина лет пятидесяти), проверила наши билеты, уточнила, кто на какой станции будет выходить, а уходя, спросила:

– Чай пить будете?

Я в поезде чай не пью. Но в купе я не один.

– Вы хотите чаю? – спросил я у моей спутницы.

Нет, она не хочет. «И я не хочу», – как бы извиняясь, сказал я кондуктору. Кондуктор ушел, а мы продолжали наш разговор.

– В нашем селе живут в основном авары. Я сама аварка. Но, как ни странно, многие думают, что авары – это лезгины, – сказала женщина. На ее лице появилась улыбка, выражающая иронию и сожаление. – Это неправильно. Авары – турки.

Она окончила бывший АЗИ, работает в научно-производственном объединении. Грамотный человек. Я с интересом слушал ее. И надо же, вдруг она опять прервала свой рассказ, опять встала, опять высунула голову из-за двери... Не знаю почему, но на этот раз она пояснила, зачем так делает:

– Я кондуктору, вот этой женщине, сказала, чтобы она нашла мне другое место. Вроде обещает. Конечно, не даром: за это ей надо платить десять манатов. Я согласна. Но она почему-то долго тянет.

«Она не хочет ночевать здесь. С кондуктором ведет переговоры, ищет другое место. За это еще платить надо...» – подумал я. Но этот вопрос с ней не обсуждал. И так все ясно: молодая женщина не хочет ночевать в двухместном купе с чужим мужчиной. Потом кому что докажешь? Выключили свет, двери закрыли... Никто не поверит. Пожалуй, она права. Но это ее проблема, и она сама довольно-таки энергично взялась за дело.

Несмотря на щекотливость ситуации, мы все же продолжали нашу дружескую беседу. Мы уже два часа едем. Другие пассажиры легли спать. А мы не спим – сидим и разговариваем. «Было бы лучше, если бы мы до утра вот так сидели и разговаривали», – думал я про себя. Но ей ничего не сказал. Вдруг она опять встала и сказала:

– Уже поздно. Я пойду узнаю, нашла ли она место.

Я не хотел вмешиваться в это дело. Но вдруг неожиданно даже для себя сказал:

– А зачем это?.. Не надо. За это еще деньги платить... Зачем? Не надо. Ложитесь и спите здесь. Да...

Она молча смотрела на меня. Я говорил отрывисто. Выражался короткими предложениями, лексикон был ограничен, часто повторял: «Не надо. Зачем?» И все-таки с помощью этих «Не надо. Зачем?» я сумел переубедить ее. Она вернулась в купе и села. Мы молча смотрели друг другу в глаза. Мне стало стыдно, я отвел взгляд. После небольшой паузы она встала и стала стелить простыню. Я вышел из купе, чтобы она могла свободно работать.

Через десять минут я вернулся в купе. Выключив свет, накрывшись одеялом, она легла спать.

* * *

Я проснулся среди ночи. Молодая женщина в двухместном купе лежит спиной ко мне и спит. Сейчас ее зад выглядит больше. Вообще-то когда женщина спит на боку, ее зад кажется больше. Но это всего лишь иллюзия. На самом деле размеры всех частей тела остаются неизменными.

Лежа на боку, я смотрел на женщину, любовался ее красотой. А вдруг она проснется, повернувшись, увидит меня и наверняка скажет: «Зачем не спите? Зачем так смотрите? Но вы же обещали...» Мне стало совестно; повернулся на спину, глаза закрыл.

Хочу отключиться от реальности, все забыть, спать до утра. Не получается. А я не отступаю: глаза закрыл и не открываю. Иногда впадаю в какое-то туманное состояние. Но этот полусон продолжается недолго. Я опять просыпаюсь. Поезд едет и едет... Ночь не кончается.

Интересно, который час. Мои наручные часы лежат на раскладном столике. Женщина тоже что-то положила туда. Чтобы достать часы, я должен чуть-чуть привстать, протянуть руку в сторону женщины. Я правша, левой рукой орудую не очень-то умело. С другой стороны, ночь и в темноте непременно промахнусь, что-нибудь упадет со стола. Женщина проснется.

– Что за шум? Что вы делаете? – встревоженно спросит она. – Ну дайте же спать!

Очень трудно будет уверить ее в том, что у меня никакой черной мысли не было. Но все равно молчать тоже нельзя, и я скажу:

– Я хотел достать свои часы со стола. В темноте промахнулся, их уронил. Извините за беспокойство.

– Зачем вам часы? Даже без них понятно, что глубокая ночь, люди спят. Если вам не спится, лежите спокойно, дайте людям отдохнуть, – скажет женщина – и будет права.

* * *

Уже стало рассветать. Я открыл глаза. Повернув голову, посмотрел на женщину. Ее поза изменилась: повернувшись ко мне лицом, она лежит на правом боку. Лицо и шея открыты. Увидев ее в светлеющих сумерках, я поразился. Какая она красавица! И она ехала всю ночь со мной в двухместном купе, при выключенном свете и закрытых дверях спала рядом со мной. Если не считать то, что было до рассвета... Ведь было же... Вот так это было: я наконец-то перешел границы – залез под одеяло... Как ни странно, она не спала и, обняв меня, сказала: «Вы долго колебались... Зачем? Не надо было...» Да, так было. Но только мысленно. Если не считать этого, я не прикоснулся к ней, даже пальцем не тронул. Только смотрел и любовался. А теперь смотрю и восхищаюсь.

Она красиво спит. Дыхание ровное. Лицо выражает безмятежное спокойствие. Она абсолютно уверена, что никто не будет ее беспокоить: я обещал ей это. Зачем я это сделал? И зачем она довела меня до этого? Не грех ли это?

Таких случайностей не бывает. Мне просто повезло. Получилось так, что я ехал ночью в двухместном купе с очень красивой женщиной. Но прежде чем лечь спать, она заколдовала меня, и я твердо обещал не беспокоить ее, не приставать к ней. Не надо было... Зачем? Поезд едет. Колдунья красиво лежит, спокойно спит; ей нет дела до моих сожалений.

Мальчик без имени

Рассказ

– У тебя в роду есть диабетики? – спросила моя дочь, когда училась на третьем курсе мединститута.

– Точно не могу сказать, – немного подумав, сказал я.

Дочка с сожалением пожала плечами. Но в последующие дни она несколько раз повторяла этот вопрос. Я насторожился – наверно, она обнаружила какие-то признаки диабета у меня – и спросил:

– А зачем тебе это?

Выяснилось, что они, будущие врачи, уже проходили сахарный диабет, а дочка в учебнике читала, что эта болезнь передается в основном генетически – по наследству. Теперь она хочет знать, не грозит ли ей опасность с отцовской стороны.

Человек беспокоится, надо помочь. Я начал думать. Вспомнил, от чего умерли мои родители, бабушки и дедушки, их братья и сестры, кого я застал в живых. Подытожив все это, сказал:

– Я на девяносто пять процентов уверяю тебя, что в моем роду диабетиков не было. С другой стороны, я твой отец и мне уже за пятьдесят. А у меня сахара нет. Кстати, ты со своими вопросами меня насторожила, и я уже на работе ходил в медсанчасть, сдал кровь на анализ. Сахар в норме. Болезней у меня достаточно, но, слава Богу, сахарным диабетом не болею.

Дочка поблагодарила за исчерпывающий ответ. Я сам тоже был доволен, чувствовал прилив жизненной энергии. Но спустя несколько лет все изменилось. Это случилось в городке для беженцев, куда я ездил на похороны близкого родственника.

Все мои родственники – беженцы. Большинство из них живут где попало – на окраине какого-то села, в полуразрушенном здании колхозной фермы советских времен... А некоторые живут в городках для беженцев. Там условия жизни относительно лучше. Но в этих городках я чувствую себя неловко и часто говорю себе: «Это же настоящий лабиринт...» Да, действительно, городок для беженцев очень похож на лабиринт: все улицы, дома и их крыши, земельные участки, их планировка и размеры... буквально все, даже туалеты одинаковы. Я очень удивляюсь: при таком однообразии как беженцы ориентируются там?

В античные времена лабиринт использовали и в качестве тюрьмы для особо опасных преступников. Заключенных там не охраняли, потому что при всем желании все равно они не могли бы вырваться на свободу: это было невозможно. Итак, попав в лабиринт, эти несчастные люди оставались там до конца жизни.

Лабиринт – опасное место. Но надо было ездить туда. И я съездил. Там увидел своих односельчан, в том числе и родственников. Муж моей старшей тети тоже там был. По окончании похоронной церемонии этот мужик пригласил меня к себе домой, то есть в свою келью. Безусловно, он не знает моих правил: без серьезных причин в лабиринт нельзя ходить, там нельзя бездельничать и празднично шататься, больше положенного времени задерживаться тоже нельзя. Исходя из этих правил, я сказал:

– Сейчас у меня мало времени. Как-нибудь в другой раз...

Мужик обиделся и, не скрывая своего разочарования, сказал:

– Тетя сколько лет тебя не видит! Она знает, что ты приехал, и хотела тебя видеть. Но она больная, еле ходит. Очень просила меня передать тебе...

Я был тронут. Пришлось посетить их дом – энную келью лабиринта. Вид тети меня очень огорчил: когда-то цветущая женщина согнулась, стала похожа на букву «Г», с костылем еле-еле ходила. Но ей нет семидесяти лет. У нее сахарный диабет в острой форме – а я думал, в моем роду нет диабетиков.

Через год тетя умерла. А спустя некоторое время умер младший дядя; у него тоже был диабет в острой форме. Я встревожился, опять заходил в медсанчасть, сдал кровь на анализ. Результат успокаивал: сахар в норме. Но одно дело лабораторные анализы, а другое дело факты. Я стал долго и тщательно анализировать этот вопрос, как шахматист анализирует отложенную партию.

У моих теток и дядей с материнской стороны есть диабет в острой форме. Они умирают, не дожив до семидесяти лет. Но их мать – моя бабушка – диабетом не болела; дожив до глубокой старости, она умерла от старческой немощи. И у моей матери диабета не было. Те родственники, которые умирают от сахарного диабета, они от другой ветви – от второго брака моей бабушки – и эту болезнь унаследовали от своих отцов. Анализ «отложенной партии» дал такие результаты. Но в этой партии одна фигура не поддается анализу – это мой старший дядя. По логике, он должен был умереть первым. Но он, будучи старше своих братьев и сестер, проводил их всех на тот свет, а сам продолжает жить; ему больше восьмидесяти лет. Меня это заинтересовало. Старший дядя стал предметом моих дум. Он не поселился в городке для беженцев, живет на окраине какого-то села Бардинского района. При первой возможности я расспрашивал людей, кто его знает и видит. Я хотел узнать, как он там.

– Нормально, – говорили люди. И казалось, вопрос исчерпан. Но я продолжал свой допрос:

– Не болеет?

– Нет, не болеет. Заядлый курильщик, но старик крепкий.

«Почему он не умирает? Диабет скосил его братьев и сестер, а он живет себе как ни в чем не бывало, и скоро ему девяносто лет», – говорил я про себя. Одновременно мне стало стыдно от этой мысли: это же некрасиво, даже грех. Но, несмотря на это, вопрос был очень интригующим, и я не мог об этом не думать.

Все же надо ехать к дяде. Вообще-то почему я до сих пор к нему не поехал? После того как началась оккупация и мои родные стали беженцами, я побывал у всех дядей и теток. Но к старшему дяде ни разу не приехал. Надо исправить эту ошибку. Правда, он угрюм, но человек положительный, провинциальный интеллигент – педагог, преподавал литературу в сельской школе. Пожалуй, надо найти время и поехать к нему. Конечно, будут упреки.

– Сколько лет я скиталец. Смотри, где я живу... А ты ни разу не заходил и не интересовался, как живет твой аксакал дядя... – скажет он.

– Да, вы правы. Но у русских есть поговорка: говорят, лучше поздно, чем никогда. Я тоже, хоть и поздно, хочу исправить свою ошибку, – скажу я. И по-моему, неплохо сказано. А тем временем он уже переменит тему.

– Ну принесите же чаю. – Дядя окликнет своих. Услышав обнадеживающий ответ, что чай заваривается, он из кармана вытащит пачку дешевых сигарет. А на этот раз, обращаясь ко мне, скажет:

– Ты не куришь? Нет? Ты молодец, русские поговорки знаешь и не куришь. А я в день две пачки курю.

– Две пачки! – с удивлением скажу я. – Это очень много.

– Конечно много. Но я привык к этому проклятому яду.

Да, я поеду к дяде. Вопрос уже решен. Но вдруг, совершенно неожиданно пришлось отменить этот план.

Я вспомнил... И все это было связано с одним воспоминанием.

Я часто думал о дяде и как-то вспомнил одну очень интересную историю, связанную с ним. Ее рассказывала мне, вернее не только мне одному, а всем своим детям, моя мама. Давно, в то время мне было десять лет. Мать рассказывала эту историю очень убедительно, а начиная со слов «я была большой девочкой и все видела своими глазами» словно заколдовывала меня,

и мне казалось, что я сам тоже все это видел своими глазами. Но эта история будет непонятной человеку, если он не знает, что было до этого.

Дело в том, что когда родилась моя мама, ее отец погиб в результате несчастного случая. А через год ее мать вышла замуж вторично. Но по требованию нового мужа она не взяла с собой девочку – годовалого ребенка, а оставила ее на попечении своих сестер. Тетя – не мать. А тети этой девочки были не родные, и у каждой из этих двоюродных теток были свои родные дети. При такой обстановке бедной девочке было очень трудно: она все время плакала, ждала свою маму. А ее мама жила в другом месте, и ей было запрещено взять свою дочку к себе, в дом нового мужа. Вопрос был поставлен так жестко, что никто не осмеливался обсуждать его заново и вносить какие-либо изменения.

Между тем у бабушки родились дети от второго брака. Но они умирали, не дожив до трех месяцев. Муж и жена были в тревоге. Несмотря на это, бабушка успела забеременеть уже в четвертый раз. Всем было ясно, что и четвертого ребенка ждет такая же участь. Что делать? Как быть? Недолго думая муж и жена обратились к гадальщику.

Далеко от нашего села жил известный гадальщик. Они ездили к нему. Бабушка со слезами на глазах рассказывала гадальщику – пожилому и умному мужику, какое у нее горе: четыре года она замужем, родились трое детей, но все они умерли; в семье нет детей.

– Вы говорите, у вас детей нет, – сказал гадальщик. – А я здесь вижу, что у вас есть ребенок.

Я не могу сказать, как гадальщик определил, что у бабушки есть ребенок, и, говоря «я здесь вижу», что он имел в виду, куда в тот момент смотрел, что видел. Но он угадал точно. Бабушка покраснела, стала заикаться. А ее муж смущался.

– Чтобы я мог вам помочь, – сказал гадальщик, – вы должны сказать правду.

Бабушка вынуждена была рассказать и о маленькой девочке. Но при этом, говоря «мы решили оставить девочку у моих сестер», часть вины своего мужа она взяла на себя.

– Понятно, – сказал гадальщик. – Несчастье в вашем доме связано с этой девочкой. Вы очень жестоко поступили с ней. Годовалого ребенка оставили на попечении двоюродных теток. Они не уделяют ей должного внимания, скорее всего, никакого внимания не уделяют. Девочке очень трудно, она все время плачет, зовет свою маму. Ее плач дошел до самого Бога, Он разозлился и проклял вас. Вы с вашим мужем прокляты и попали в ад; переполнили чашу терпения, поэтому в ад попали не посмертно, а при жизни.

Бабушка горько заплакала. Ее муж, опустив голову, молча сидел. А гадальщик молча смотрел на них и наконец сказал:

– Я вижу, вы беременны. – Бабушка была на шестом месяце беременности, и не заметить это было невозможно. – Но, к сожалению, судьба этого ребенка будет такой же: по вашей вине он тоже проклят...

Бабушка не смогла совладать с собой и стала плакать громко. Ее муж встревожился.

– Слушай, хватит! – сказал он жене. – Опомнись, мы же при посторонних людях! Стыдно.

Бабушка затихла, стала плакать беззвучно.

– А как нам быть? – после некоторой паузы спросил ее муж у гадальщика.

А гадальщик молча сидел и качал головой, и это означало «я не могу ответить на этот вопрос».

– Очень сложный вопрос, – наконец-то сказал гадальщик. – Для начала мать должна взять девочку к себе. Пусть ребенок живет рядом с матерью и радуется. Вы оба должны быть очень внимательны к ней. Бог всемогущ: все видит, все знает; он непременно заметит и перемену в вашей семье.

* * *

Вернувшись домой, мать сразу же девочку взяла к себе; она то и дело обнимала ее, целовала, говорила ласковые слова. Отчим тоже с ней был очень ласков. Какая радость! Девочка перестала плакать, она была счастлива. А через три месяца у ее матери родился четвертый ребенок от второго брака; это был красивый здоровый мальчик. Но жаль, что он умрет через три месяца. Мальчику даже имя не давали. Мать кормила его грудью и плакала. Девочка спрашивала:

– Мама, почему ты плачешь? – Она так говорила и сама тоже плакала. А ее вопрос остался безответным.

В этом доме все покрыто мраком; это не место для человеческого жилья, это ад. К вечеру муж тоже возвращается в ад. Однажды муж сказал жене: – Как ты думаешь, может, еще раз съездить к гадалыщику? – Ты так думаешь? – сказала жена. – А почему нет?

– Да?

– Да...

– Я не против. Но пусть исполнится сороковой день с рождения ребенка. Подождем еще одну неделю, потом поговорим.

Через неделю муж и жена съездили к гадалыщику. Очень рано встали, чтобы успеть к вечеру вернуться домой. Девочку и мальчика без имени – зачем ему имя? – взяли с собой.

* * *

Гадалыщик сразу догадался: родители хотят спасти ребенка. Они знают, что это невозможно, но все равно хотят что-то изменить. Мать умоляет, просит о помощи. Люди в отчаянии. Гадалыщик очень хочет им помочь, но это невозможно. Но, как ни странно, гадалыщик тоже начал думать: он ломает голову, ищет выход из безвыходного положения.

Уже полдень. Гости и семейство гадалыщика сидят за столом. Они пьют чай. И кушать можно – стол накрыт, все есть: сыр, каймак, мед, разные фрукты, соленые огурцы, помидоры, лаваш, тандыр-чурек... Гости голодны, а еда застревает в горле. Девочка взяла кусочек сыра, положила в лаваш, потом откусила – ой, как вкусно! Но как только увидела мрачное лицо матери, аппетит сразу пропал – ей уже не хотелось кушать, она хотела плакать. Несчастные люди превратили в ад и очаг гадалыщика. Чтобы успокоить их, трудно найти подходящие слова. Излучая мрак, как демоны, молча сидят муж и жена. Мрак сгущается. В такой обстановке нельзя кушать: еда, как яд, может отравить человека.

Трапеза закончилась. Гости скоро уедут. Пока женщины о чем-то говорят, шушукаются, гадалыщик вместе с гостем выходит во двор. Человек живет в достатке. У него есть и небольшой сад, а там такие деревья! На какое-то время забывая все, мужики говорят по-хозяйски.

– Видите, какие яблоки! – сказал гадалыщик. – В нашем селе, даже в соседних селах ни у кого таких яблок нет.

Мужики отошли от дома, их голоса уже никто не услышит. Но все равно гадалыщик говорит шепотом. А гость, затаив дыхание, внимательно слушает.

– О нашем разговоре никто не должен знать, – сказал гадалыщик. – Вы все это видели во сне. Вам приснилось, понятно?

– Да, понятно, – сказал гость.

– Так вот, никому ничего не объясняя, молча делайте то, что я вам сказал.

– Хорошо, – сказал гость.

* * *

Дальше что было, девочка видела своими глазами. И спустя много лет рассказывала нам – своим детям. Было зимнее время, мы толпились вокруг теплой печи. Вот тогда мать подробно рассказывала об этом. Свой рассказ она начала словами: «Я была большой девочкой и все видела своими глазами» – в то время ей было пять лет.

– Резали скотину. Принесли весы. Ребенка – вот этого, моего младшего брата – положили на одну чашу весов, а на другую чашу стали класть мясо скотины до тех пор, пока те не уравновесились. Мясо завернули в простыни. Потом несколько человек, плача и рыдая, ходили на кладбище с этим мясом. Завернутое в простыни мясо положили в маленькую могилу и засыпали землей. А потом домой вернулись. В тот же день мальчику дали имя. – Моя мама рассказывала нам то, что сама видела своими глазами. В результате этой инсценировки смерти малыша мой старший дядя был спасен. Люди отчаялись, не знали, что делать; дошли до того, что стали играть с огнем: обвели вокруг пальца Азраиля – ангела смерти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.